Чехов в Англии

Источник: Последние новости (Париж). 1926. 31 января. № 1775. С. 3.

Можно ли понять вполне иностранного поэта? На этот вопрос когда-то такой авторитет как Гете дал два ответа, исключаящие друг друга. Один всем известен, так как стал ходячей цитатой: «Кто хочет понять поэта, должен поехать в его страну». Другой ответ, малоизвестный и диаметрально противоположный, мы находим в книге «Правда и Поэзия». Гете говорит, что поэт только тогда и обнаруживается вполне, когда его произведение переведено, при том еще не стихами, а прозой. Тогда оболочка ритма и рифмы отпадает, оставив чистую совершенную субстанцию, – если она была, конечно. Многие современные поэты, как видите, совершенно застрахованы: их, конечно, никто не дерзнет переводить прозой. Теперь англичане усиленно ставят пьесы Чехова. И, прислушиваясь к толкам рецензентов, я решаюсь поставить другой вопрос: могут ли иностранцы всегда понять прозаического писателя?

На днях мне пришлось для одной работы познакомиться с книгой американского писателя Эдуарда Нобеля о революционном движении в России. Книга эта не новая и стала в Америке классической. Автор был в России еще при Александре III и, по-видимому, знает русский язык, так как цитирует русские источники. И вот как Эдуард Нобель понимает Щедрина. «Издатель “Отечественных Записок”, знаменитый князь Салтыков, более известен под псевдонимом Щедрин. Он ввел новый жанр журнализма, удовлетворивший требованиям цензуры и соответствовавший характеру сатирического таланта Щедрина. Князь Салтыков писал преимущественно сказки, представлявшие собою как бы осколки *Боккаччио* <так!>, столь же легкомысленные, столь же остроумные, и столь же *безнравственные*. Щедрин – петербургский *Гейне*, подражавший *Декамерону* на русском языке. Щедрин дал своим читателям рассказы до того возмутительные по *своему бесстыдству*, что во всякой другой стране автор был бы наказан уголовным судом». Этот отзыв о Щедрине, конечно, единственный в своем роде. Он свидетельствует о том, как трудно иногда иностранцу понять даже прозаического писателя. Когда в Англии в первый раз поставили в переводе «Грозу» Островского, критики недоумевали, где тут драма. С английской точки зрения Дикой и Кабаниха не драматические, а комические личности. Вследствие этого критикам было совершенно непонятно трагическое положение Катерины, Тихона и Бориса. В 1916 году англичане впервые узнали про «Вишневый Сад» Чехова. Ознакомление это породило в высшей степени любопытные критические статьи, опять-таки показывающие, как трудно понять иностранцу даже прозаического писателя. Известный беллетрист Хью Уолпол, побывавший в России, написавший романы из русской жизни и считающийся специалистом-руссоведом, написал тогда этюд о русской душе. По мнению автора, русская драма — это «почти царственное бессилие», символом которого является... Епиходов в «Вишневом Саду». По мнению проницательного «руссоведа», в русских пьесах

постоянно появляется один и тот же тип, изображенный с большим блеском и симпатией. Тип этот Епиходов. С ним случаются непрерывные несчастья. Дуняша отвергла его ради глупого лакея, без одной мысли в голове. Варя попрекает его тем, что он только ходит с места на место и делом не занимается. «Только ходите с места на место» – патетически восклицает Хью Уолпол. «О небо! Неужели все окружающие не замечают великих мыслей, одолевающих Епиходова? Неужели они не могут ничего видеть, кроме его сапог со скрипом, дурацкого пиджака и неуклюжих манер? Неужели они не могут разглядеть сущность его души? Дрожа от ярости и негодования Епиходов кричит: «Работаю ли я, хожу ли, кушаю ли, играю ли на бильярде, про то могут только рассуждать люди старшие и понимающие?» «Люди понимающие» – многозначительно повторяет Хью Уолпол. Вся трагедия существования Епиходова заключается в этих двух словах. Он живет в чужом для него мире. Быть может, есть где-нибудь мир, населенный *esprits supérieurs*, высшими натурами, которые судят людей и предметы не по внешности.

Теперь в Лондоне ставят «Дядю Ваню» и ставят очень хорошо. Англичане пригласили в режиссеры Комиссаржевского: кроме того, одну из ролей (профессора Серебрякова) играет талантливый русский актер, г. Раневский, с успехом перешедший на английскую сцену. Таким образом, в постановке нет и тени тех больших и малых погрешностей, которыми сопровождается обыкновенно постановка русских пьес на английской сцене. Лет десять тому назад, напр., в Лондоне поставили «Воскресение» в переделке Батайя. Для метсного колорита прислали русский хор. И вышло следующее. Крестьяне, возвращавшиеся в Светлое Воскресение со свечами из церкви, пели: «Ах вы сени, мои сени». В помещечьем доме икона была помещена у дверей, на косяке. И, когда режиссеру указали на репетиции на неуместность хора и на икону у дверей, тот ответил: «так лучше». Теперь никаких режиссерских промахов в постановке «Дяди Вани» нет. Как же ученые рецензенты поняли пьесу? Вот, например, отзыв одного из самых авторитетных английских театральных критиков, Ст. Джона Эрвина. Автор отмечает «печальность и нелепость» русской жизни, напомнившей ему по своей отдаленности и чуждости один из эпизодов в мемуарах английского моряка Вильяма Хики, который во время войны Англии с французской республикой в XVIII веке был взят в плен и содержался в Тринкомалаи на Цейлоне. (Город тогда принадлежал французам и взят был англичанами в 1795 году). «Когда передо мною развевалась на сцене эта странная, нелепая, далекая от нас жизнь – пишет критик – мне вспоминалось все одно место в «Записках» Хики. Моряк наблюдал в Тринкомалаи, как выносили на берег с французского фрегата кур, связанных вместе. Адмирал Сюдорен велел выпустить их на берег, чтобы дать им отдохнуть после продолжительного морского путешествия. Как только курам развязали лапы и отпустили на свободу, они немедленно с ожесточением напали друг на друга. Завязалась долгая и упорная драка, кончившаяся только тогда, когда силы дерущихся совершенно истощились. Петухи и куры лежали на земле, как мертвые. По словам Вильяма Хики, было в высшей степени забавно и странно видеть, как куры использовали свою свободу, чтобы драться до смерти, по-видимому, без всякой причины. И это бессмысленное поведение продолжалось в течение двух дней. Затем плененные и освобожденные куры привыкли к свободе. Тогда они начали мирно клевать зерно. По-видимому, между ними установилась полная

дружба». Поведение действующих лиц в «Дяде Ване» кажется критику столь же бессмысленным, как и драка кур. Причина одна и та же: долгое существование в связанном состоянии.

Этот отзыв, хотя более затейливый, чем критика Щедрина и «Вишневого Сада» свидетельствует все-таки, что иностранцам ужасно трудно понять не только чужого поэта, но и прозаика. Англичанам в такой же степени кажется забавной континентальная интерпретация их жизни, хотя, конечно, мы не делаем таких курьезных ошибок, на какие я только что указал.

Дионео.
Лондон.